

Сяо Цичэнь готов был головой до земли поклониться, лишь бы доказать свою искренность, как вдруг служанка постучала в дверь. Су Янь поспешно привёл себя в порядок. Оба, у каждого свои тайные мысли, оделись, а затем, не глядя друг на друга, позавтракали и неловко разошлись. Су Янь отправился в Большой лагерь в Саду Нань, Сяо Цичэнь вернулся в Тайчэн на утреннюю аудиенцию.

На ветке абрикосового дерева во дворе синяя птица пропела весёлую песню, потом взмыла в небо и умчалась прочь.

На том дереве, что было ровесником Су Яня, распустился первый в этом году цветок абрикоса.

Война между Нань Лян и тюрками, вспыхнувшая вновь после нескольких десятилетий затишья, выдалась невероятно тяжёлой для Гвардии доблестной кавалерии и пограничных войск, чьё содержание урезали.

Тюрки словно в одночасье прозрели, поняв, что для захвата земель нельзя бить в одну точку. Организованно и дисциплинированно они разделили армию надвое, ударив одновременно через заставы Яньмэнь и Юньмэнь, и вскоре пало уже пять городов. К счастью, Гвардия доблестной кавалерии была обучена отлично, подкрепление подоспело быстро. Су Чжи повёл войска на внезапный штурм Яньмэня, а Чжан Ли, оставшись в Яньчжоу, также разделил силы для войны на два фронта.

Четыре месяца шло ожесточённое противостояние, пока тюрки, уступавшие в опыте снабжения, не были вынуждены отступить. Су Чжи, преследуя отступающих, вернул под контроль город Ючжоу.

Войска возвращались с победой, но радости на лицах не было. На подходе к Сюйчжоу Шэнь Чэнцзюнь, размышлявший всю дорогу, вдруг произнёс:

— Хуянь Ту отступил на удивление поспешно. Не ловушка ли это?

Чжан Ли, привыкший с ним препираться, тут же вставил:

— Какая ловушка? У них припасы на исходе, если так пойдёт дальше, тюркам этой осенью будет нечего есть... — Он говорил с жаром, но, выпалив это, сам же и замолчал. Чжан Ли взглянул на соседей и увидел, как с ближайших коней на него смотрят Шэнь Чэнцзюнь и Су Чжи — с одним и тем же выражением презрения.

Сердце Чжан Ли ёкнуло. Он сглотнул и осторожно спросил:

— ...Неужели они и вправду так решили?

— Если они и вправду задумали затяжную войну, то Хуянь Ту — настоящий мастер, — мрачно заметил Шэнь Чэнцзюнь. — Похоже, годы плена в Цзиньлине не сломили его, а многому научили...

Су Чжи кивнул:

— По возвращении в столицу, Чэнцзюнь, составь подробный доклад для Чжун Ми, изложи все риски. К императору я не пойду — чтобы, не дай бог, не начать тут же чего-нибудь просить, только раздражение вызову. Да и дома меня этот головоломный отпрыск ждёт. Подумать только, если бы не чрезвычайная важность дела, я бы и вовсе в Сюйчжоу остался.

Шэнь Чэнцзюнь понял, о чём он, и, вспомнив сложное выражение лица того самого «отпрыска», не сдержал улыбки:

— Вы слишком строги, генерал. Молодой маркиз — юноша послушный.

Услышав это, лицо Су Чжи стало ещё суровее:

— Мне послушный юноша не нужен.

Разговор о Су Яне быстро сменили. Шэнь Чэнцзюнь, размышляя над опасениями Су Чжи, всё больше склонялся к мысли, что Хуянь Ту затеял нечто грандиозное. Они привыкли считать тюрков варварами, полагая, что в сравнении со страной ритуалов и музыки те — дикари, не ведающие устоев, живущие как звери. Но теперь...

Тюрки из поколения в поколение кочевали вслед за водой и травой. Суровые и долгие зимы северных земель не благоприятствовали земледелию, и едва лишь у них появились хоть какие-то силы, они год за годом зарились на южных соседей.

Большую часть времени Нань Лян и тюрки поддерживали хрупкий мир, и Лян извлекал из этого немалую выгоду. Обычно зерном обменивались на тюркский скот, лошадей, а то и на прочие сокровища, добытые в степях. Договор был заведомо неравным, оттого мирные периоды сменялись войнами, а устав от битв, стороны вновь садились за стол переговоров — лицемерно и неискренне.

На сей раз Хуянь Ту вынудил Нань Лян бросить все войска к северу от Жёлтой реки и почти полгода вести изматывающую борьбу. Ни одна сторона не получила преимущества, зато жители семи северных округов пребывали в таком страхе, что и думать забыли о пашне. От округа Цингуан до Инчжоу — везде, где ступало копыто вражеского коня, не было посеяно ни зёрнышка.

Жаркий июль угас, знойное лето осталось позади. И если к осени... Пять округов к югу от Янцзы, земли вокруг Дунтина и Башу, конечно, были богаты, но прокормить всю страну им не под силу.

Без срочных мер на севере неминуемо грядёт голод.

Погружённый в эти мрачные мысли, Су Чжи во главе армии вернулся с победой. Он поблагодарил императора за милость, а затем вежливо, но твёрдо отклонил все приготовленные Сяо Янем торжества по случаю возвращения войск. Действуя со свойственной ему решительностью, он лишь передал Чжан Ли дела по охране столицы и помчался в дом маркиза Пиньюаня.

— Кажется, это первый раз, когда наш главнокомандующий так спешит домой, — пошутил Шэнь Чэнцзюнь.

Весть о его возвращении наконец-то вдохнула в особняк маркиза долгожданное оживление.

Госпожа Цао чувствовала себя теперь гораздо лучше, возможно, потому, что вновь принялась за хозяйство, и цвет лица её стал здоровее. Су Чжи лишь дивился этой чудесной перемене. Он обошёл двор и тут же спохватился:

— ...А где Янь?

Госпожа Цао улыбнулась:

— В последнее время стал послушным, часто ходит со мной молиться Будде, сейчас как раз в молельне, сутры переписывает. Закончит — придёт трапезничать. Генерал, вы устали, присядьте, отдохните.

Говорила она с явной гордостью, но у Су Чжи от этих слов голова пошла кругом:

— Какие ещё сутры? В монахи собрался? Этот мальчишка совсем с ума сошёл?.. Ты ему сказала, по какому главному делу я вернулся?

Госпожа Цао прикрыла рот рукавом:

— Конечно, сказала. Янь сильно повзрослел. Днём патрулирует со своими людьми окрестности столицы, доезжал аж до Сюаньчэна в Юйчжоу, а ночью возвращается домой. Не шляется где попало, в отличие от своих приятелей. Сам император не раз хвалил его, говорит, в тебя пошёл. Чего же ты ещё беспокоишься?

На лице Су Чжи отразилась целая буря невысказанных мыслей. В конце концов он вздохнул, взял госпожу Цао за руку и сказал:

— Беспокоюсь я не о нём... Он с детства послушен. Боюсь, что не согласится.

— Брачные узы укрепят наше положение при дворе. Союз военной и гражданской знати — стратегия наилучшая. Цензор — не властолюбец, а девушка, говорят, и лицом пригожа, и образована... Янь человек разумный, в таком деле не станет упрямиться.

— Надеюсь, это лишь мои пустые опасения... — пробормотал Су Чжи и наконец расслабился.

Он откинулся в кресло, собираясь поболтать с госпожой Цао о домашних делах, как вдруг в дверях возникла тень. Су Чжи встрепенулся — юноша, вытянувшийся за время его отсутствия, был не кто иной, как Су Янь.

Отец с сыном не виделись больше года, и оба не были склонны к бурным излияниям чувств. Всё важное осталось невысказанным.

Заметив, что Су Янь застыл на пороге, госпожа Цао подмигнула ему — явно они сговорились заранее. Су Янь поспешно произнёс:

— Отец, слава Будде, ты вернулся невредимым.

Пусть даже слова были подсказаны матерью, Су Чжи они согрели душу. — Сын мой повзрослел, — ответил он.

Хозяева дома маркиза Пинъюаня впервые за долгое время собрались за общим столом. Казалось, тени прошлых лет на время отступили.

Ночь была тихой, но небо не радовало ясностью. Поднимавшийся осенний ветер нёс с собой обещание дождя.

На следующее утро, во время утренней аудиенции, доклад великого сыкуна Чжун Ми погасил гнев, который Сяо Янь ещё даже не успел разжечь. Император, собиравшийся было призвать к ответу за ежегодные наводнения в округе Цингуан, прочёл доклад, и его пыл поутих на треть. А увидев Су Чжи среди придворных с совершенно недовольным видом, он и вовсе успокоился.

— Насчёт осеннего урожая, Су Цин, можешь не тревожиться, — откашлявшись, произнёс Сяо Янь. — Едва лишь армии сошлись в бою, как мне доложили, что худшее последствие для севера — не потери в войсках, а неурожай. Зимой я отправил людей на юг для обследования, и выяснилось, что к северу от Ячжоу и к югу от хребта Наньлин можно возделывать рис. В начале этой весны министр церемоний лично отправился на юг курировать посевную. На юге жарко, и к шестому месяцу уже собрали первый урожай. Качество, конечно, не сравнится с цзяннаньским, но сердце своё можешь положить на место.

Су Чжи был озадачен. Чувство, будто все его тревоги оказались напрасными, заставило его украдкой вопросительно взглянуть на Чжун Ми. Тот слегка сместился вправо и прошептал:

— ...Это предложил шестой принц.

Су Чжи удивился ещё больше: Шестой принц? Тот самый Сяо Цичэнь, что дни напролёт бездельничал и в ус не дул? Чтобы он выдвинул столь дальновидное предложение... Видно, правду говорят: проживи день с человеком — увидишь перемены.

С этими мыслями он взглянул вперёд.

Сяо Цичэнь стоял у края ряда придворных, стараясь стать незаметным, тонким, как лист бумаги. Его профиль был мягким, а опущенные веки придавали лицу почти женственное изящество.

<http://bllate.org/book/15940/1425108>